ИМЯ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

УДК 930.25+929

М.В. Ломоносова, А.И. Агеева, Д.И. Васильева
Санкт-Петербург

«СУЩЕСТВУЮЩИЙ КРИЗИС ВЛАСТИ МОЖЕТ БЫТЬ ВЕСЬМА ЗАТЯЖНЫМ». СТРАНИЦЫ ПЕРЕПИСКИ АЛЕКСАНДРА ГУЧКОВА С ПИТИРИМОМ СОРОКИНЫМ*

Цитирование: Ломоносова М.В., Агеева А.И., Васильева Д.И. «Существующий кризис власти может быть весьма затяжным». Страницы переписки Александра Гучкова с Питиримом Сорокиным // Наследие. 2020, № 2(17). – С.133–145.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.2.9>

Citation: Lomonosova M.V., Ageeva A.I., Vasilyeva D.I. «*Sushchestvuyushchij krizis vlasti mozhet byt' ves'ma zatyazhnym*». *Stranicy perepiski Aleksandra Guchkova s Pitirimom Sorokinym* [«The current crisis of power can be quite prolonged». Correspondence between Alexander Guchkov and Pitirim Sorokin] // *Nasledie* [Heritage]. 2020, No. 2 (17). – pp.133–145.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.2.9>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01168 А. «Российская социология на изломе эпох (1917–1937): от социологического анализа социальных проблем периода Русской революции 1917 года к сохранению российских исследовательских академических традиций в Европе и Америке».

Статья посвящена деятельности представителей антибольшевистского движения, находящихся в эмиграции. Авторы используют материалы личной переписки Питурима Сорокина с Александром Гучковым, что позволяет рассмотреть происходящие события «изнутри» этого движения. На примере Лозаннского процесса прослеживается участие в нем П. Сорокина в качестве ученого. В статье затрагивается трансформация взглядов А. Гучкова и П. Сорокина относительно Советской России: хотя оба пережили революцию, а затем оказались в эмиграции, взгляды касательно перспектив развития родины, а также взаимодействия с ней у них оказались различны.

Ключевые слова: Питури́м Сорокин, Александр Гучков, русская эмиграция, Лозаннский процесс.

Lomonosova M.V., Ageeva A.I., Vasilyeva D.I. «The current crisis of power can be quite prolonged». Correspondence between Alexander Guchkov and Pitirim Sorokin. This article covers the activity of the anti-Bolshevik movement, it's representatives in exile. Personal correspondence between Pitirim Sorokin and Alexander Guchkov is used, which makes possible to analyze the facts «from insider's point of view». Using the example of the Lausanne process, Pitirim Sorokin's participation in this movement as a scientist is depicted. The article also traces the transformation of the views of Alexander Guchkov and Pitirim Sorokin regarding Soviet Russia. Although they both endured the revolution and then emigrated, the views on the prospects for the development of their homeland, as well as interaction with it, turned out to be different.

Key words: Pitirim Sorokin, Alexander Guchkov, Russian emigration, Lausanne process.

Творчество Питури́ма Александровича Сорокина поразительно многогранно, из-под его пера выходили фундаментальные научные исследования, публицистические и критические статьи, рецензии, художественные произведения, очерки и заметки. На протяжении всей жизни он много писал об окружавших его людях и о событиях, происходивших в обществе и в его личной жизни, вел активную переписку с друзьями и коллегами. Эпистолярное наследие П. Сорокина часто попадает в фокус внимания исследователей [Голосенко, 1998; Дойков, 1999; Питури́м Сорокин., 2009; Ломоносова, Дойков, 2017], а сами письма П.А. Сорокина и его адресатов после публикации в научных изданиях становятся доступным историческим источником информации по самому широкому спектру проблем. И в этом ряду особое место занимает переписка Питури́ма Сорокина с Александром Гучковым, который вошел в историю как человек, принимавший отречение (вместе с В.В. Шульгиным^{1*}) императора Николая II от престола, а впоследствии занявший пост военного министра Временного правительства.

Александр Иванович Гучков (1862, Москва – 1936, Париж) был известным российским политическим и государственным деятелем. В революционном 1905 г. он, будучи создателем и лидером умеренно правой политической партии «Союз 17 Октября» («октябристы»), считался одним из крупнейших деятелей либерального движения. В 1907 г. А.И. Гучков был избран депутатом III Государственной думы, где возглавил фракцию октябристов и военную комиссию думы. Будучи прямым и бес-

компромиссным человеком, он нередко вступал в конфликтные отношения с другими думскими депутатами, например, вызывал на дуэль П.Н. Милюкова^{2*}, дрался на дуэли с графом Уваровым^{3*}. Во время Первой мировой войны популярность Гучкова в обществе и его влияние резко возросли, в это же время он окончательно убедился в необходимости смены власти; правящую элиту он называл «фаворитами, кудесниками и шутами». Попытки Гучкова и его сторонников отстранить Николая II от государственного управления провалились, по поводу чего он говорил, что «русское общество в лице своих руководящих кругов недостаточно осознавало необходимость этого переворота» [Можаева, 2002, с.121].

Накануне Русской революции 1917 г. именно буржуазные партии и их лидеры систематически расшатывали престиж власти (наиболее показательна в этом отношении деятельность А.И. Гучкова в должности председателя Центрального военно-промышленного комитета). А социалистические партии, обладавшие высоким мобилизационным потенциалом среди широких слоев населения Российской империи, совершили саму революцию.

Находясь в должности военного и морского министра первого состава Временного правительства (2 (15) марта – 2 (15) мая 1917 г.), Гучков настаивал на подавлении параллельных Временному правительству органов власти – Советов рабочих и солдатских депутатов – и был одним из главных организаторов попытки военного переворота генерала Л.Г. Корнилова^{4*}. После поражения корниловского мятежа был арестован, но вскоре освобожден, и, так как его тактика не была поддержана кабинетом министров, А.И. Гучков ушел в отставку.

Во время гражданской войны Гучков эмигрировал сначала в Берлин, затем в Париж. В эмиграции антибольшевистская борьба стала одним из центральных направлений его деятельности. Он предлагал вербовать добровольцев для борьбы с советской властью, а также создать армию из русских военнопленных, находившихся за пределами России; вел активную переписку с Черчиллем, требуя нанести удар по советской власти и завладеть Москвой и Петроградом. Также он сыграл важную роль в помощи белой армии, организуя перевозку через территорию Балтийских стран оружия для её войск. А.И. Гучков стремился не упустить ни единой возможности, которая могла приблизить его к победе в борьбе с советской властью, вся его жизнь была подчинена этой цели.

Стоит отметить, что среди русских эмигрантов, оказавшихся в Европе, не было идеологического единства. Большинство русских беженцев принадлежали к культурной и политической элите, а их мировоззрение отражало весь спектр партийного ландшафта России 1917 г. Русские эмигранты, будучи представителями разных течений (социалистического, либерального, консервативного, националистического), продолжали доказывать друг другу свою правоту и предпринимали отчаянные попытки ухватить прошлое, ускользающее в бурных потоках времени, и вернуть себе утраченные властные и статусные позиции. Но трагическое убийство 10 мая 1923 г. в Лозанне (Швейцария) Вацлава Воровского^{5*}, застреленного бывшим белогвардейским офицером, а в то время уже швейцарским гражданином Морисом Конради^{6*}, объединило многих представителей эмиграции в порыве предать международному осуждению власть большевиков.

«Около 70 деятелей эмиграции – среди них П.Б. Струве^{7*}, Е.Д. Кускова^{8*}, Н.С. Тимашев^{9*} – сочли своим долгом принять активное участие в процессе и превратить его в суд над большевизмом. Свои показания прислали: писатель И. Шмелев^{10*}, сын которого был расстрелян в Крыму, историк С.П. Мельгунов^{11*} (его книга «Красный террор в России» была издана в Берлине в связи с этим процессом), писатель М.П. Арцыбашев^{12*}, Татьяна Варшер^{13*}, княгиня Т.Г. Куракина^{14*}, Синовари^{15*}. Организатором этого “Нюрнбергского процесса” выступил А.И. Гучков. Ему помогали известный земской деятель В.И. Гурко^{16*} и доктор Ю.И. Лодыжинский^{17*}. Защитниками обвиняемых были женеvский адвокат Теодор Обер^{18*} и лозаннский – Сидней Шёпфер (Sidney Schoepfer)^{19*}. Он защищал Конради» [Дойков, 2009, с.38]. Т. Обер был адвокатом Полунина, а С. Шопфер – Конради.

А.И. Гучков был крайне заинтересован в вовлечении в Лозаннский процесс свидетелей, чья известность и авторитет способствовали бы желаемому решению суда. Поэтому нет ничего удивительно в том, что он обратился к П. Сорокину с просьбой принять участие в этом процессе. В ответном письме П.А. Сорокина Гучкову, опубликованном исследователем Ю.В. Дойковым, содержится информация об этом.

«Глубокоуважаемый Александр Иванович, спасибо за письмо. В конце сентября я уезжаю на международный конгресс социологов в Италию, а оттуда в Америку читать лекции в американских университетах. Поэтому лично посетить нашего друга (суд? – Ю.Д.) не могу. Но весь нужный материал я приготовил и вышлю в Париж. Сделать это я считаю своим долгом и буду очень рад. Если сколько-нибудь могу быть полезен ему и моей родине. Надеюсь, все это сделать в первых числах сентября. Примите уверение в глубоком к Вам уважении. 28 августа Питирим Сорокин».

2 октября 1923 г. П. Сорокин написал Гучкову: *«Глубокоуважаемый Александр Иванович. Я получил от Лозаннского суда повестку, требующую моей личной явки на суд. При всей готовности это сделать я не могу, так как купил уже билет в Америку (...), поэтому очень прошу Вас как-нибудь устроить так, чтобы суд извинил мне мою личную неявку»* [Дойков, 2009, с.39].

Несмотря на то, что П. Сорокин не мог или не хотел принять личное участие в процессе, он прислал обширные письменные показания в форме научного доклада с фактами, данными, ссылками на публикации, а также книгу «Современное состояние России». Его аргументы оказали значительное влияние на решение присяжных, а сами показания Сорокина были воспроизведены во многих швейцарских газетах.

Судебный процесс по делу Мориса Конради и его товарища, ветерана Белого движения А.П. Полунина^{20*}, открылся в Лозанне 5 ноября 1923 г. По итогам 11 дней судебных заседаний М. Конради был оправдан присяжными, что привело к громкому международному скандалу и полному разрыву дипломатических отношений между СССР и Швейцарией вплоть до 1946 г. На заседании 10 октября были оглашены показания П. Сорокина. С.П. Мельгунов в книге «Красный террор в России» отметил, что «П.А. Сорокин в своих показаниях по делу Конради напомнил статистику казней в дни первой революции и последующей реакции: 1901–1905 г. – 93; 1906 г. – 547; 1907 г. – 1139; 1908 г. – 1340; 1909 г. – 771; 1910 г. – 129; 1911 г. – 73»

[Мельгунов, 1979, с.4]. Тем самым П. Сорокин указывал на то, что реакция, являясь закономерным следствием революции, влечет за собой резкое увеличение насилия со стороны власти. Поскольку в своих показаниях и предоставленных научных трудах П. Сорокин приводил большое количество статистических материалов и данных, опубликованных на страницах официальных изданий, то адвокат Т. Обер в своих речах неоднократно ссыался на «на исчерпывающее заключение профессора Сорокина, социалиста-революционера» [Дойков, 2009, с.40].

Стоит отметить, что П. Сорокин, эмигрировав в Европу, а затем в Америку, перестал быть пропагандистом революции и стал ее убежденным противником. Опираясь на свой опыт официального выхода из активной политики еще в 1918 г., он старался быть объективным исследователем революции и последовавших за ней событий, не принимая непосредственного участия в политических конфликтах. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, избежать этого было практически невозможно, когда его пытались вновь и вновь вовлечь в водоворот политических событий. В Лозаннском процессе он принял участие, но заочно – своими книгами и статьями, т.е. выступил, прежде всего, в роли ученого, а не в роли прямого обвинителя большевизма. В Праге, находясь в эпицентре жизни эмигрантов и внимательно наблюдая за событиями международной жизни, П. Сорокин смог подняться на более высокий уровень понимания и анализа событий, происходивших в Советской России.

Причины раскола российского общества на белых и красных, правых и левых, верующих и атеистов, кулаков и бедняков во многом определялись внешней политикой империалистических стран (прежде всего, Англии). Суверенные права и независимость Советской России находились в то время под серьезной угрозой. Понимая, что убийство Вацлава Воровского – это убийство не только большевика белогвардейцами с целью возмездия (как это отмечалось в ходе суда), а прежде всего члена советской делегации, который приехал в Лозанну для участия в Лозаннской конференции^{21*}, Сорокин выбрал позицию ученого, но не «бывшего» политика, который имел личные мотивы участия в этом процессе.

Безусловно, Сорокин понимал, что принципиальная позиция, занятая советской делегацией, центральной фигурой которой и был Вацлав Воровский, аргументы, которые она убедительно приводила в дискуссиях во время Лозаннской конференции, вызвали сильнейшее раздражение со стороны английской делегации и прежде всего министра иностранных дел Великобритании – Джорджа Натаниэла Керзона^{22*}, который принимал все возможные меры для того, чтобы не допустить советских делегатов к участию во второй стадии конференции, которая открылась 9 апреля 1923 г. В. Воровский же собирался приехать туда лично, сделать заявление в секретариате Лозаннской конференции и отстоять права советской делегации. 8 мая лорд Керзон предъявил Советскому правительству ультиматум^{23*}, а требования, предъявленные в нём СССР, послужили своеобразным сигналом для белогвардейских организаций, намеревавшихся физически устранить Вацлава Воровского как талантливого и авторитетного представителя советской дипломатии. 9 мая Воровский получил распоряжение Советского правительства покинуть Швейцарию, а 10 мая он был убит в гостинице «Савой». Вслед за этим Петроградский губернский комитет Российской коммунистической партии опубликовал призыв принять участие в демонстрации

протеста против ультиматума Дж. Керзона и убийства В.В. Воровского. По Советскому Союзу прокатилась волна массовых акций протеста против действий Великобритании.

Между тем Сорокин и Гучков продолжали поддерживать отношения. Об этом говорит и адресованное П. Сорокину письмо А.И. Гучкова (апрель 1924 г.), копия которого находится на хранении в Государственном архиве Российской Федерации в объемном по содержанию деле с характерным названием: «Переписка с П. Струве, П.А. Сорокиным, Г. Самсоновым^{24*}, Н.Н. Чебышевым^{25*} и другими об организации шпионажа и о подготовке государственного переворота в СССР, отрывок из программы деятельности “Информационного бюро” А.И. Гучкова и схемы разведывательных пунктов и связи агентов разведки за границей с Москвой в 1921 году». Приведем полностью его текст* (см. рисунок).

«4 апреля 1924 г.

Многоуважаемый Питириим Александрович,

Пишу из Берлина, куда случайно и на время заехал, пишу в ответ на Ваше письмо от 9 марта, которое мне было переслано сюда. Так как я в ближайшее время возвращаюсь в Париж, то продолжайте писать мне по моему парижскому адресу.

То, что Вы успели сделать в Америке за короткий срок Вашего пребывания там, поистине, колоссально. Если бы каждый из нас в своей специальной области сделал то же самое, то тот камень, который могильной плитой лежит, на нашем отечестве, уже давно пришел бы в движение. Честь Вам и слава!

Лозаннский процесс, как Вы знаете, кончился как нельзя более благополучно. Агитационное значение самого процесса и факта оправдания громадно. Теперь я занят изданием отчета о процессе: вероятно, он появится сперва в берлинском “Архиве Русской Революции”^{26}, а затем в отдельных, более дешевых и общедоступных изданиях. Это издание я имел в виду перекинуть тоже в Россию: думаю, что оно подействует на российские приниженные настроения.*

Сильное впечатление было произведено, по свидетельству очевидцев, на присяжных заседателей и на публику Вашими показаниями. Оно было целиком воспроизведено во многих швейцарских газетах. Разумеется, оно целиком войдет в предполагаемое издание.

Вы спрашиваете, что нового из России?

По всем сведениям, оттуда, можно твердо установить, что советская власть идет неуклонно к крушению. Правда, трещина в коммунистической партии и на верхах как будто замазана, “дискуссия” затихла, но причины этого явления слишком глубоки, чтобы допустить мысль, что на этом процесс разложения может приостановиться. Из этой потасовки власть выглядит ослабленной, внутренняя оценка партии – расшатанной. А самое важное – это, что страна начинает это сознавать, что престиж былого успеха и гипноз террора начинают развеиваться, что вспышки накопившейся ненависти против власти прорываются чаще, более открыто и смело, что, быть может, медленно, но верно приближает момент взрыва, который сметет власть и многое другое вместе с нею.

* Письмо публикуется впервые.

Копія письма А.И.Гучкова - П.А.Сорокину. въ
Берлинъ, 8го Апрѣля 1924 г.

25

Иногоуважаемый

Питиримъ Александровичъ,

Пишу Вамъ изъ Берлина, куда случайно и на время заѣхалъ, пишу въ отвѣтъ на Ваше письмо отъ 9 Марта, которое мнѣ было переслано сюда. Такъ какъ я въ ближайшее время возвращаюсь въ Парижъ, то продолжайте писать мнѣ по моему парижскому адресу :

8 me Institut Social, Paris 17^e

То, что Вы успѣли сдѣлать въ Амрихъ за короткій срокъ Вашего пребыванія тамъ, поистинѣ, колоссально. Если бы каждый изъ насъ въ своей специальной области сдѣлалъ то же самое, то тотъ камень, который могильной плитой лежитъ на нашемъ отечествѣ, уже давно пришелъ бы въ движеніе. Честь Вамъ и слава !

Лозаннскій процессъ, какъ Вы знаете, кончился какъ нельзя болѣе благополучно. Агитаціонное значеніе самого процесса и факта оправданія громадно. Теперь я занятъ изданіемъ отчета о процессѣ: вѣроятно, онъ появится сперва въ берлинскомъ "Архивѣ Русской Революціи", а затѣмъ и отдѣльными, болѣе деновыми и общедоступными изданіемъ. Это изданіе я имѣю въ виду перекинуть тоже въ Россію: думаю, что оно бодрѣе подѣйствуетъ на русскія прижизненные настроенія. Сильное впечатлѣніе было произведено, по свидѣтельству очевидцевъ, на присяжныхъ заседателей и на публику Вашихъ показаніемъ. Оно было цѣлкомъ воспроизведено во многихъ швейцарскихъ газетахъ. Разумѣется, оно цѣлкомъ войдетъ и въ предложенное изданіе.

Вы спрашиваете, что новаго изъ Россіи ?

По всемъ свѣдѣніямъ, идущимъ оттуда, можно твердо установить, что совѣтская власть идетъ неуклонно къ крушенію. Правда,

Из моей последней поездки в Берлин я вынес и много сведений о России, и одно любопытное наблюдение: те русские и немецкие круги, которые особенно хорошо было осведомлены о России (это – русские левые, и немецкие правительственные круги) и которые стояли до сих пор на эволюционной точке зрения в отношении дальнейшего хода событий в России, круто изменили свой взгляд: некоторые из них считают неизбежным насильственный переворот, который положит конец советской власти, другие, более осторожные, допускают, во всяком случае, его возможность.

Все сходятся на том, что переворот будет носить либо дворцовый характер, исходя из Московского, а может быть, из кремлевского гарнизона, либо военный характер, начавшись где-нибудь в отдаленных провинциальных военных центрах, может быть, на окраинах, причем волна военного мятежа, не встречая на своем пути сопротивления, даже наоборот, вызывая сочувственные отклики в многочисленных гарнизонах, может быстро докатиться до Москвы. Но в прогнозах грядущего взгляды расходятся. Кто примет наследство? В каком состоянии очутится страна на другой день переворота? Какое образуется в ней соотношение сил? Какой курс примет новая власть? Или какой курс будет ей продиктован той объективной обстановкой, какая там сложится?

Одни предполагают, что новая власть будет носить определенный характер военной диктатуры, отвечающей и источнику ее происхождения: будет смыт верхний, политический, коммунистический, советский слой, смыт начисто, со всеми его партийными ячейками и агентами в учреждениях и на местах, но сохранится весь военно-гражданский аппарат управления, и, таким образом, установится режим «спецов», военных «спецов», которые разделят власть и управление со «спецами» гражданскими. Другие допускают, что в момент переворота, который, по их мнению, будет происходить из недр красной армии, группа “правых” коммунистов, наиболее отвечающих данной обстановке, может зацепиться за власть, удержаться и вместе с теми же неизбежными военными и гражданскими “спецами” образовать новую власть. Третьи, наконец, (и это, пожалуй, самые осторожные) просто отказываются ставить какие бы ни было прогнозы относительно следующего за переворотом дня.

Во всем этом особенно характерно изменение в официальной германской точке зрения. Та теория эволюции, которая господствовала в этой среде, основывалась на двух предпосылках: 1) власть в Москве стоит прочно и 2) все противокommунитические элементы в стране находятся в состоянии распыленности и прострации. Теперь, под влиянием новых сведений, начинает вырабатываться новая оценка положения: 1) власть расшатана внутри и 2) революционные настроения в стране начинают сгущаться до действенной энергии.

Но если дозволительно утверждать, что общая линия, по которой может пойти дальнейшее развитие событий, неуклонно ведет советскую власть в конце концов к катастрофе, то темп этого развития не поддается какому-либо определению: нельзя отрицать, что существующий кризис власти может быть весьма затяжным. Ускорить его можно лишь одним средством. Дело в том, что редко в истории мы встречаем такой самодержавный режим, какой водворился в России в лице советской власти. Что самодержец о нескольких головах, это не изменяет по суще-

ству дела, это только технически несколько затрудняет и усложняет задачу. Надо отметить еще, что у этого самодержца нет естественного наследника и заместителя: с его исчезновением рушится весь режим. Поэтому, никогда еще в истории вообще, и в частности в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России.

Работа в этом направлении ведется, ведется настойчиво. Но скромные результаты этой работы и незначительный результат ее объясняется тем, что на иную постановку дела нет средств. Можно, в сущности, сказать, что если было бы возможно располагать крупными средствами, этот метод борьбы дал бы весьма ощутительные результаты.

Если Вы, глубокоуважаемый Питирим Александрович согласны с моей оценкой внутреннего положения России и разделяете мою точку зрения на методы борьбы за освобождение нашего отечества, то Вы могли бы оказать нашему делу громадную услугу, использовав те многочисленные щупальца, какими Вы, видимо, выросли в американскую среду. Необходимо выяснить, можно ли найти в Америке таких лиц и такие организации, которые готовы были бы оказать нам помощь в нашей боевой работе? Я не решаюсь просить Вас взять на себя ведение переговоров на эту тему: Вас и Вашу миссию не следует компрометировать связью с таким делом. Придется послать с этой целью специальное лицо, близко знакомое с предстоящей работой и поставленной задачей. Но Вы, как никто, можете на основании Ваших общих впечатлений сказать, имеются ли шансы на сочувствие и содействие данному делу? Если Вы придете к положительному результату, то не откажите несколько ближе определить, на какие лица и на какие круги можно было бы рассчитывать. Я не думаю, чтобы мой вопрос застал Вас врасплох. Я убежден, что если Вы даже не ставили Вашим американским собеседникам прямых и определенных вопросов на эту тему, то молчаливо и незаметно Вы расценивали каждого из них с точки зрения его готовности оказать активную помощь в борьбе за освобождение России.

Поэтому мне кажется, что Вы будете в состоянии в ближайшее время, не производя какой-либо специальной разведки, дать мне хотя бы общий, но определенный ответ.

Если окажутся, хоть некоторые, хоть слабые шансы на успех, было бы грешно их не использовать.

Мне не приходится, разумеется, напоминать Вам, какой абсолютной тайной должно быть окружено это дело. Если бы наши противники узнали, что работа ведется в этом направлении, они усугубили бы свою бдительность» [Гучков, 1924].

Письмо А.И. Гучкова говорит о многом: о том, что в эмигрантской среде уже четко обозначился раскол в вопросах об отношении к Советской России; о том, что антибольшевистское движение за рубежом сталкивается с организационными проблемами, вследствие чего Гучков и обращается за помощью к Сорокину; о том, что Гучков полагал, что в борьбе с властью большевиков в России необходимо использовать весь спектр методов революционной борьбы, в том числе и террор; о том, что за рубежом создаются организации для борьбы с Советской Россией.

Могли ли мысли и цели А.И. Гучкова привлечь Сорокина? На этот вопрос можно однозначно дать отрицательный ответ. Возможно, Сорокин осознавал опасность

«Наследие» № 2 (17) (2020)

эволюции, которая произошла в политических воззрениях и убеждениях Гучкова. Еще лет десять назад, 15 октября 1911 г., в своей речи, посвященной памяти П.А. Столыпина^{27*}, погибшего от рук террористов в Киеве, которую А.И. Гучков произнес на заседании в Государственной думе, он резко критиковал как действия самих террористов, так и власть, допустившую деятельность радикальных революционных организаций: «Уже давно больна наша Россия, больна тяжким недугом. Поколение, к которому я принадлежу, родилось под выстрел Каракозова^{28*}; в 70–80-х годах кровавая и грязная волна террора прокатилась по нашему отечеству <...> Террор когда-то затормозил и тормозит с тех пор поступательный ход реформ; террор своим кровавым туманом окутал зарю русской свободы» [Стенографические..., 1912, с.34]. Но спустя десятилетие в эмиграции А.И. Гучков решил, что с Советской Россией необходимо бороться методом террора.

Убеждения П. Сорокина за годы революции тоже претерпели серьезную трансформацию – уже в годы гражданской войны он приступил к разработке концепции моральной трансформации личности, возлагая большие надежды на альтруизм как на источник и средство социальных изменений. Осень 1918 г. стала завершающим этапом в деятельности Сорокина-политика. Захват большевиками Вологодской губернии вынудил его снова перейти на нелегальное положение, которое через некоторое время завершилось очередным арестом. Находясь в камере смертников в Великоустюжской тюрьме, он написал открытое письмо с отказом от членства в партии эсеров и решением отойти от политической деятельности. Завершение политической карьеры позволило П.А. Сорокину возобновить деятельность на научном поприще. В конце 1918 г. он вернулся в Петроград и восстановился преподавателем юридического факультета университета. Честь и достоинство были для П. Сорокина не пустыми словами, и поскольку он официально заявил о своем выходе из политики, то до своей высылки из России сосредоточил свою деятельность исключительно на поприще науки. Но, как социолог, он не мог не изучать те острые социальные проблемы, с которыми столкнулась Советская Россия. П. Сорокин совершил научную «экспедицию» в голодающие районы Самарской губернии, охваченные голодом 1921 г., был свидетелем смерти коллег и близких друзей – все это послужило основой для его книги «Голод как фактор». Фундаментальный научный труд, написанный русским классиком западной социологии в 1921–1922 гг., подготовленный к печати, но уничтоженный большевиками, увидел свет лишь после смерти ученого. Несмотря на то, что у П.А. Сорокина не было возможности опубликовать эту книгу в 1922 г. и в последующее десятилетие по причинам политической цензуры, он не остановился в своих научных изысканиях и спустя годы вернулся к этой теме в работе «Человек и общество в условиях бедствий» (1942). Характеризует его как личность и тот факт, что он не стал из этого запрета на публикацию извлекать некий «политический капитал», находясь в эмиграции. Более того, в Праге, обращаясь к студенчеству в статье «К вопросу о подготовке эмигрантской русской молодежи», связывая все свои помыслы с задачей возрождения России, он призывал студенческую молодежь выбрать себе в качестве «спутника» – великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева. И это не случайно, т. к. итог личного опыта и непосредственного наблюдения за революционными потрясениями – знаменитое Credo Питирима Сорокина: «Что бы ни случилось со мной в будущем,

я уверен, что три вещи навсегда останутся убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, как бы ни была она тяжела, – это самая прекрасная, удивительная и чудесная вещь мире. Только посвятив ее в служение долгу, можно сделать ее счастливой и тем самым наполнить душу необоримыми силами, чтобы служить идеалам, – таково моё второе убеждение. И, наконец, в-третьих, я убежден, что жестокость, ненависть и несправедливость никогда не были и никогда не будут способны построить на земле Царство Божие» [Сорокин, 2015, с.233–234].

Переписка Питирима Сорокина с Александром Гучковым требует дальнейшего изучения, возможно, она сможет пролить свет как на факты их биографий, так и на сложный и противоречивый период истории 1920–1930 гг.

Если П.А. Сорокин совершил в эти годы полный поворот в сторону научной работы, то политическая деятельность А.И. Гучкова привлекла к себе пристальное внимание Иностранного отдела ОГПУ^{29*}, реализовавшего в 1921–1926 гг. контрразведывательную операцию «Трест», в ходе которой была создана фальшивая организация антибольшевистского подполья «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР), чтобы помочь выявить настоящих монархистов и антибольшевиков. События тех лет легли в основу романа советского писателя Л.В. Никулина^{30*} «Мёртвая зыбь» (1965), а в 1967 г. вышел в прокат многосерийный приключенческий фильм «Операция “Трест”», являвшийся экранизацией этого романа. Но только в наши дни, спустя почти век после описываемых событий, у исследователей появилась возможность работать с открытыми архивными документами без оглядки на цензурные ограничения, а у читателей – формировать объективное и взвешенное отношение к историческому наследию.

Комментарии

^{1*} Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – русский политический и общественный деятель, публицист. Депутат II, III и IV Государственных дум, во время Февральской революции принявший отречение Николая II. Один из организаторов и идеологов Белого движения.

^{2*} Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – русский политический деятель, историк и публицист. Лидер Конституционно-демократической партии. Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 г. С 1916 г. – почётный доктор Кембриджского университета.

^{3*} Уваров Алексей Алексеевич (1859–1913) – русский общественный деятель и политик, член III Государственной думы от Саратовской губернии.

^{4*} Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – русский военачальник, генерал от инфантерии. Военный разведчик, военный атташе, путешественник-исследователь. Герой русско-японской и Первой мировой войн. Верховный главнокомандующий Русской армией (1917).

^{5*} Воровский Вацлав Вацлавович (1871–1923) – русский революционер, публицист и литературный критик. Один из первых советских дипломатов.

^{6*} Конради Морис Морисович (1896–1947) – российский офицер, Георгиевский кавалер, участник Первой мировой и Гражданской войн, затем эмигрант.

^{7*} Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – русский общественный и политический деятель, редактор газет и журналов, экономист, публицист, историк, социолог, философ.

^{8*} Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) – русский политический и общественный деятель, публицист и издатель, активист революционного, либерального и масонского движений.

^{9*} Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970) – русский социолог и правовед, публицист, общественный деятель. В 1921 г. эмигрировал в Чехословакию, с 1936 г. – в США, где стал одним из крупнейших американских социологов, несколько лет работал в Гарвардском университете с П.А. Сорокиным.

- № 2 (17) (2020) «Наследие»
- ^{10*} Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) – русский писатель, публицист, православный мыслитель.
 - ^{11*} Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) – русский историк и политический деятель, участник антибольшевистской борьбы после Русской революции 1917 г.
 - ^{12*} Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927) – русский писатель, драматург, публицист.
 - ^{13*} Варшер Татьяна Сергеевна (1880–1960) – историк античности, археолог, автор топографического атласа Помпеи «Codex Topographicus Pompeianus». Ученица историка античности академика Михаила Ростовцева. Автор воспоминаний «Виденное и пережитое» (Берлин, 1923).
 - ^{14*} Куракина Татьяна Георгиевна (1877–1970) – дворянка, одна из редких мемуаристов, написавших о своем пребывании в московских концлагерях (Кожуховский лагерь, Андрониковский лагерь, Новинская женская тюрьма) в 1919–1921 гг.
 - ^{15*} Синовари – свидетель по делу Конради, сообщивший о расстрелах в Санкт-Петербурге [Источник: Мельгунов С.П. Красный террор в России. Нью-Йорк: Изд-во BRANDY, 1979. – с.84, 137, 152].
 - ^{16*} Гурко Василий Иосифович (1864–1937) – российский генерал от кавалерии (1916); автор ряда книг. Монархист. Командующим войсками Западного фронта русской армии (1917).
 - ^{17*} Лодыженский Юрий Ильич (1888–1977) – русский медик, общественный и политический деятель.
 - ^{18*} Теодор Обер (1878–1963) – швейцарский адвокат, писатель, политический деятель.
 - ^{19*} Сидней Шёпфер (1862–1938) – лозаннский адвокат, участвовавший в Лозаннском процессе, в 1922–1925 гг. заседал в Национальном совете, полковник военной юстиции.
 - ^{20*} Полунин Аркадий Павлович (1889–1933) – штабс-капитан Русской армии, эмигрант, соучастник убийства В.В. Воровского.
 - ^{21*} Лозаннская конференция (1922–1923) – международная конференция по урегулированию положения на Ближнем Востоке после провала иностранной военной интервенции в Турции и победы «Кемалистской революции».
 - ^{22*} Джордж Натаниэл Керзон (1859–1925) – английский публицист, путешественник и государственный деятель. Вице-король Индии, министр иностранных дел Великобритании, лидер палаты лордов, лорд-председатель Совета.
 - ^{23*} Ультиматум (Нота) Керзона – нота правительства Великобритании, составленная министром иностранных дел лордом Джорджем Натаниэлом Керзоном и врученная Советскому правительству 8 мая 1923 г. главой английского торгового представительства в Москве Ходжсоном. Керзон предъявил СССР обвинения в проведении антибританской политики на Востоке и потребовал в 10-дневный срок выполнения ряда условий.
 - ^{24*} Предположительно: Самсонов Георгий Петрович – российский эмигрант в Маньчжурии.
 - ^{25*} Чебышёв Николай Николаевич (1865–1937) – русский судебный деятель, участник Белого движения, журналист.
 - ^{26*} Отчет о процессе не был опубликован в «Архиве Русской Революции», издававшемся в Берлине в 1921–1937 гг. и представлявшем собой уникальный историко-археографический альманах российской эмиграции. Издатель – Иосиф Владимирович Гессен (1865–1943), известный российский юрист и политический деятель, один из ярких представителей либеральной интеллигенции, стоявший у истоков партии кадетов. В свет вышло 22 тома. Тематика публикаций альманаха: воспоминания, дневники, документы и документальные очерки, письма.
 - ^{27*} Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – русский государственный деятель. В 1902 г. – губернатор Гродненской, в 1903–1906 гг. – Саратовской губернии. С 1906 г. – министр внутренних дел. Был смертельно ранен эсером Д.Г. Богровым в Киеве.
 - ^{28*} Каракозов Дмитрий Владимирович (1842–1866) – член революционного кружка в Москве. 4 апреля 1866 г. совершил покушение на Александра II: у ворот Летнего сада стрелял в него, но промахнулся. Казнен 3 сентября 1866 г. по приговору Верховного уголовного суда.
 - ^{29*} Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) – специальный орган гос. безопасности СССР в 1923–34 гг. ОГПУ стало не только правоохранительным, но и карательным органом Советской власти, поскольку ему были поручены борьба с чуждыми элементами, наблюдение за представителями бывших эксплуататорских классов, инакомыслящими и т.д. Постепенно ОГПУ взяло на себя функции внешней политической разведки, ему было предоставлено право вести агентурную работу и за пределами СССР, кроме того, в его ведение переданы вопросы выдачи разрешений на въезд и выезд из страны, перлюстрация корреспонденции, а также принятие решений и осуществление высылки из пределов СССР.
 - ^{30*} Никулин Лев Вениаминович (наст. фамилия – Олькеницкий; 1891–1967) – русский советский писатель, поэт и драматург, журналист, военный корреспондент. Лауреат Сталинской премии третьей степени (1952).

Литература

- Голосенко И.А. Из эпистолярного наследия Питирима Сорокина: переписка с И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, № 1. – С.17–24.
- Гучков А.И. Копия письма Питириму Сорокину. 4 апреля 1924 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5868. Оп. 1. Дело 15. Л. 25–29.
- Дойков Ю.В. Питирим Сорокин в Праге. 1922–1923. Архангельск, 2009. – 146 с.
- Дойков Ю.В. Питирим Сорокин и Никита Шаповал // Социологический журнал. 1999, № 3/4. – С.215–227.
- Ломоносова М.В., Дойков Ю.В. Из США в Харбин (1929–1933). Пять писем Питирима Сорокина евразийцу Н. Сетницкому // Наследие. 2017, № 6. – С.150–157.
- Мельгунов С.П. Красный террор в России. Нью-Йорк: Изд-во BRANDY, 1979. – 203 с.
- Мозаева Л.А. Гучков Александр Иванович (1862–1936) // Новый исторический вестник. 2002, № 2. – С.119–130.
- Питирим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова. Вологда: Древности Севера, 2009. – 336 с.
- Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. – 848 с.
- Стенографические отчеты. Гос. дума, третий созыв, сессия пятая. Ч. 2: Заседания 1–41 (с 15 октября по 10 декабря 1911 г.). Санкт-Петербург: Государственная типография. 1911–1912. 3830 стб.

References

- Doykov Yu.V. *Pitirim Sorokin i Nikita Shapoval* [Pitirim Sorokin and Nikita Shapoval] // *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. 1999, No.3/4. – pp.215–227.
- Doykov Yu.V. *Pitirim Sorokin v Prage* [Pitirim Sorokin in Prague]. 1922–1923, Arkhangelsk, 2009. – pp.146.
- Golosenko I.A. *Iz epistolyarnogo naslediya Pitirima Sorokina: perepiska s I.A. Golosenko* [From the epistolary heritage of Pitirim Sorokin: correspondence with I. A. Golosenko] // *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 1998. No. 1, – pp.17–24.
- Guchkov A.I. *Kopiya pis'ma Pitirimu Sorokinu 4 aprelya 1924* [Copy of the letter to Pitirim Sorokin April 4, 1924] // *Gosudarstvennyj Arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R5868. Op. 1. Delo [issue] 15. L. 25–29.
- Lomonosova M.V., Doykov Yu.V. *Iz SSHA v Harbin (1929–1933). Pyat pisem Pitirima Sorokina evrazijscu N. Setnickomu* [From the USA to Harbin (1929–1933). [Five Pitirim Sorokin's letters to the Eurasianist N. Setnickiy] // *Nasledie* [Heritage]. 2017, No. 6. – pp.150–157.
- Mel'gunov S.P. *Krasnyj terror v Rossii* [Red terror in Russia]. N'yu-York: Izd-vo BRANDY [New York: BRANDY Publishing house], 1979. – pp.203
- Mozhaeva L.A. *Guchkov Aleksandr Ivanovich (1862–1936)* [Guchkov Alexander Ivanovich (1862–1936)] // *Novyj istoricheskij vestnik* [New historical Bulletin]. 2002, No. 2. – pp. 119–130.
- Pitirim Sorokin: izbrannaya perepiska* [Pitirim Sorokin: selected correspondence] / Pod red. P.P. Krotova. Vologda: Drevnosti Severa [Edited by P.P. Krotov. Vologda: Antiquities of the North], 2009. pp. 336
- Sorokin P.A. *Listki iz russkogo dnevnika. Sociologiya revolyucii* [Leaves from a Russian Diary. Sociology of the revolution]. Syktyvkar, 2015. – 848 p. (In Russian).
- Stenograficheskie otchety. Gos. дума, tretij sozyv, sessiya pyataya. CH. 2: Zasedaniya 1–41 (s 15 oktyabrya po 10 dekabrya 1911 g.)* [Verbatim reports. State Duma, third convocation, fifth session. Part 2: Sessions 1–41(from October 15 to December 10, 1911)]. Sankt-Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya [Saint Petersburg: State printing house]. 1911–1912. 3830 stb.